

И. И. Янушевич

Белорусский государственный университет, Минск

I. Yanushevich

Belarussian State University, Minsk

УДК 341.251.1.-232.37

**ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ
В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1919–1941 ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ БССР)**

**INFORMATION-PROPAGANDISTIC BACKGROUND
OF ANTI-RELIGIOUS ACTIVITIES IN THE SOVIET STATE
IN 1919–1941 (BSSR AS AN EXAMPLE)**

В статье проводится анализ содержания пропагандистских материалов партийных и государственных структур по борьбе с религиозностью населения. Определено, что исходным постулатом являлось утверждение о нерациональности наличия религии и церкви в современном обществе. Охарактеризованы наиболее распространяемые в различных слоях общества пропагандистские установки. Проанализированы материалы по продвижению в ряды верующих идеи классового расслоения в Русской православной церкви в СССР. Установлена взаимосвязь между популяризацией безбожного движения и насаждением мнения о религии и церкви как об институтах, ограничивающих права женщин.

Ключевые слова: контрреволюционная деятельность; идеологическая работа; Православная церковь.

The article analyzes the contents of the party's and government's propagandistic materials aimed at fighting the population's religiosity. The initial postulate was the assertion of the irrationality of religion and Church existence in society. The author of the article has also characterized the propagandistic ideas and views that were popularized in various society strata. The article touches upon the materials aimed at the popularization of the idea of Russian Orthodox Church class stratification. The author establishes the interrelation between the popularization of the godless movement and the implantation of the opinion about religion and the church as institutions restricting women's rights.

Key words: counter-revolutionary activities, ideological work, Orthodox Church.

Социально-экономические преобразования в Российской империи, вызванные революционными событиями 1917 г., требовали серьезнейшего информационно-пропагандистского сопровождения. Идеологические установки новых властей, кроме главных лозунгов «Земля крестьянам!», «Заводы рабочим!», «Мир народам!», в основном населению были малоизвестны. Тем более шел процесс их постоянной адаптации к меняющейся внутри- и внешнеполитической ситуации. Предлагаемые теоретические установки по построению нового социально справедливого общества выдвигали в ряды потенциальных противников социалистической модели государственного устройства властимущие классы царской России и являвшиеся основой

существующего политического режима институты. Под данную категорию попадали и религиозные организации, в первую очередь Русская православная церковь (РПЦ). Если с помещиками, буржуазией, жандармами, проправительственными партиями было все однозначно понятно, то церковные структуры кроме Синода и попа включали в себя в громадном количестве прихожан. Надежды антирелигиозников на значительную степень секуляризации российского общества рухнули в первые годы советской власти. Необходимо было выработать действенную программу по отрыву верующих от своих религиозных организаций. В первую очередь следовало противопоставить интересы прежней церковной бюрократии и простых мирян, параллельно пропагандируя достижения атеистического движения в СССР и за рубежом. Антирелигиозниками был избран целый ряд направлений работы, некоторые из них будут проанализированные в данной статье.

Источниковую базу исследования составляет делопроизводственная документация ЦК КП(б)Б, Центрального совета (ЦС) СВБ и Комиссии культур ЦИК СССР. Детальный анализ имеющихся там материалов в сопоставлении с иными историческими фактами и пропагандистскими работами современников позволяет воссоздать основные установки антирелигиозной борьбы. Историография вопроса колоссальна [1]. «Вредность» религии и церкви являлась, за небольшим исключением, отправным пунктом всех исследований советских ученых. Количество советских изданий поражает своим объемом и разнообразием. Основная масса информации в данных изданиях является исключительно пропагандистским штампом [2–5]. Труды довоенных авторов являются своеобразным источником по исследуемой проблеме. К их созданию главным образом привлекались сотрудники, ответственные за антирелигиозную работу. Именно в данных, иногда и совсем незначительных по объему, брошюрах излагалась официальная точка зрения по церковному вопросу. Являясь ответственными партийными и государственными работниками по реализации основных направлений государственно-церковной политики, авторы определяли и содержание антирелигиозных агитационно-пропагандистских установок, которое подлежит самому критическому анализу с учетом складывающейся общественно-политической ситуацией в стране Советов. Основной лейтмотив работ указанного периода, кроме основополагающего постулата о контрреволюционности религии и церкви, касался своеобразного ренегатства последних и респектабельности безбожия. Многие даваемые там установки подвергались критике И. Сталиным, А. Горьким, А. Рыковым и, скорее всего, иными ответственными и рядовыми членами компартии, однако реальной альтернативы им не появилось.

Пожалуй, самым успешным пропагандистским проектом была придуманная Л. Троцким и реализуемая СОГПУ операция властей по расколу РПЦ. Среди православного духовенства были подобраны лица, готовые на сотрудничество с ВЧК-ГПУ [6, л. 3–4]. Главными своими задачами по

добные деятели провозгласили борьбу с контрреволюционностью РПЦ и необходимость некоего «обновления» православия, за что движение и получило название «обновленчество». Попав в руки опытных специалистов, лидеры раскольников вынуждены были участвовать в инспирированных ГПУ манипуляциях общественным мнением. Главный пропагандистский эффект государственные и партийные органы могли получить от выступления части клира с обвинениями Патриарха Тихона и его сторонников в контрреволюции, стремлении уничтожения советской власти и вредительстве социалистическому строительству. И наоборот, новая, обновленная или «живая», как еще называлось одно из ответвлений раскольников, должна была восприниматься верующими как вариант возможности организации церковно-приходской жизни в условиях социалистического государства. Следовало убедить граждан, что именно сопротивление революционным преобразованиям является поводом для гонения на религиозные организации, а не их существование как таковое. Несмотря на то, что церковь устами патриарха Тихона заявляла о своей аполитичности, почти до конца 1920-х гг. обновленцы большевистской пропагандой преподносились как прогрессивное аполитичное движение. Несомненным достижением Антирелигиозной комиссии и СО ГПУ было то, что «живцы» огалтело набрасываясь на тихоновцев, содействовали видимости внутрицерковной борьбы [7, л. 20–21]. Пропаганда эта преподносилась как разложение Церкви. Не имевшие информации о роли спецорганов в этом процессе люди воспринимали противостояние как борьбу за церковную власть, за доходы. Взаимные разоблачения и анафематствования как нельзя более были выгодны антирелигиозникам. Раскол и его информационно-пропагандистское сопровождение способствовали отходу верующих от православия. Подобная оценка звучала из уст партийных и государственных деятелей, указывавших на то, что вредны все течения православной церкви [8, л. 13–14]. Однако, несмотря на критику эффективности проведенного специальными структурами раскола РПЦ в долгосрочной перспективе, краткосрочный результат, несомненно, был достигнут. Ушаты грязи, вылитые противоборствующими сторонами, а в самом обновленчестве их было по крайней мере три основных, и с учетом того, что в БССР к концу 1920-х гг. было три примерно равных по количеству приходов течений православной церкви, возымели свой пропагандистский эффект. «Прокрасная» позиция обновленцев, их эксперименты с культовой практикой и ревизия догматов вызывали отторжение у верующих, что и являлось одной из главных задач антирелигиозников.

Наименее доказуемыми, но сильно популяризируемыми были обвинения религии в поддержке бесправного унижительного положения женщин. Претензия большевиков на создание общества равных возможностей для мужчин и женщин была важнейшей идеологической установкой. По сравнению с царской Россией, советские женщины получили больше способов реализовать свои творческие, научные и организаторские способности.

Эксперименты же с институтом семьи, сокративностью половых отношений привели к серьезнейшим проблемам межличностного и бытового характера. Женщина, девушка стали доступными объектами сексуального насилия [9, л. 75]. Половая распущенность, сопровождаемая пьянством, значительно ухудшали положение некоторой части этой категории строителей социализма. При этом, несмотря на постоянные указания того же ЦК ВЛКСМ, комсомолки в гораздо меньшей степени были востребованы в руководящих органах. В высших руководящих органах женщин в 1937 г. было 11 %, в основном в сфере образования и культуры [10, с. 80].

Да и в целом обычному человеку, тем более верующему, воспринимать идеи большевиков насчет нравственности было очень тяжело. Под лозунгом «все старое рухнуло» предполагалось построить некое новое «безрелигиозное общество», где семья хоть и признавалась ячейкой общества, но могла «не быть необходимой». Женщина должна была стать неким биологическим механизмом. Беспорядочность половых отношений в молодежной среде, посиделки, ночевки приводили к негативным последствиям семейно-бытового характера и не могли не настораживать и отпугивать как взрослое население, так и молодежь. Подобное падение нравственности и приближение отношения к половым связям исключительно как к физиологической потребности подрывало духовно-нравственные основы общества. Для традиционных конфессий подобное поведение могло стать точкой невозврата в лоно церкви и дорогой как к безбожию, так и к извращенным культовым практикам псевдорелигиозной направленности [11, с. 56].

Социальные завоевания женщин были не столь значительны, как преподносилось пропагандистами. Особенно трудно было в этом вопросе антирелигиозникам. Моральные устои семей сохранялись на высоком уровне. Жена, мать, бабушка были хранительницами традиций, в том числе и культурных. Религиозность продолжала оставаться высокой благодаря этому и среди молодежи [12, л. 4]. Практически единственным аргументом в пользу отказа от веры в Бога по половому признаку было якобы унижительное и бесправное положение женщин по сравнению с мужчинами [13, л. 16]. Измышления авантюриста-безбожника Е. Ярославского в его «Библии для верующих и не верующих», в дальнейшем явившейся основой для пропагандистских штампов, о непризнании религией за женщиной прав человека были откровенной ложью [14, с. 18, 23, 54, 73]. Популяризируемая вульгарная, извращенная трактовка книг Ветхого завета и второкнижия не могла произвести должного влияния на верующих женщин и в силу отсутствия у них представления о столь далеком прошлом. Имевшийся статус женщины как хранительницы семейного очага с делегированием мужчинам определенных управленческих и хозяйственных функций был естественным и рациональным. Христианство выдвинуло женщину в деле организации приходской жизни на особые позиции в Церкви Христовой.

В противовес «отсутствующего» у религии и церкви создающего начала следовало показать конструктивность материалистического мировоззрения и перспективы распространения атеизма. Исключительно важной задачей ответственных антирелигиозников было создание видимости массовости безбожия в стране, да и в мире в целом. Реализуемая на государственном уровне антирелигиозная политика требовала и демонстрации результатов своего труда. Необходимо было убедить религиозных людей в массовости безбожия, в его исторической естественности. Для этого следовало продемонстрировать «известную» всем ситуацию с массовой секуляризацией российского общества до революции. РПЦ представлялась как собрание вынужденных демонстрировать свою религиозность и приверженность Церкви людей. За рубежом якобы еще более активно росло число атеистов как до 1917 г. так и после социалистической революции в России, ставшей продолжением Великой французской революции, а лучшие представители тех или иных народов в Бога не верили. Это должно было побудить верующего человека идти в ногу «с передовой частью советского общества», в рядах которой только и можно было жить и существовать [15, с. 57].

Людей невоцерковленных, несмотря на религиозный подъем к началу 1920-х гг. и рост количества религиозных общин к 1929 гг., становилось все больше. Административные меры давали свои плоды, но вот настоящих безбожников, активных популяризаторов атеистического мировоззрения было крайне недостаточно. Это шло в разрез с политикой партии в данном направлении, но в реальности подтверждалось тем, что даже коммунисты и комсомольцы не являлись в этом примером не только в 1920-е гг., но и в начале 1940-х гг. Единственное в своем роде аналитическое совещание антирелигиозников СССР в 1926 г., не выработав конкретных рекомендаций по организации работы, признало наиболее удачной формой демонстрации численного потенциала безбожия создание на всесоюзном уровне организационных структур объединяющих людей с атеистическим мировоззрением [16, л. 3–107]. Не имея рациональных предложений по церковному вопросу и не выработав конкретных действенных форм борьбы с религиозностью населения, компартия до лета 1941 г. будет позиционировать СВБ как головную организацию на данном фронте идеологической борьбы. Общество друзей газеты «Безбожник», Союз безбожников (СВ), а с 1929 г. Союз воинствующих безбожников (СВБ) должны были стать ориентиром, деятельность и численность которого склоняла бы граждан к демонстрации своего материалистического взгляда на мир. Простая оценка динамики численности СВ-СВБ во всесоюзном масштабе наводит на мысль о явной фальсификации [17, л. 12]. В БССР ситуация с демонстрацией численности воинствующих безбожников складывалась по схожей схеме [18, л. 13]. Из насчитывающихся 317 тыс. в 1932 г. через 2 года уплатили членские взносы только 129 тыс. членов организации, а еще через год – 30–35 тыс. [19, л. 21]. Подобная игра цифр при демонстрации достижений советского

государства была характерна для всей системы. Однако если стахановское движение вдохновляло на ратный труд и при всех своих изъянах невыполненная первая пятилетка внушала все же оптимизм в строителей социализма, то безбожные успехи, не провозглашенные вождем как значимая цель, фактически оказались нужны только предводителям ЦС СВБ для оправдания своего существования. Нагнетаемые в 1929–1932 гг. агитационно-пропагандистской системой достижения фактически мгновенно сошли на нет в 1934 г. Реально показать было нечего. Даже самый знаковый и выигрышный для создания очага безбожия участок – МТС – в БССР создать не удалось [19, л. 56]. Иллюзорность массовости безбожного движения к середине 1930-х гг. становилась очевидной, что не могло не оттолкнуть людей и не навредить борьбе с религиозностью населения [20, л. 45]. Наличие подобного перспективного движения, как СВБ (не в нашем колхозе, районе, а где то там. – *Я. И.*), не могло не стимулировать желание присоединиться к данной группе советских граждан даже при отсутствии атеистических убеждений, однако потраченные силы, средства и краткосрочность результата не стоили подобного незначительного пропагандистского эффекта.

Таким образом, проведенное исследование показало, что процесс поиска оптимальных форм идеологической работы в области распространения материалистического мировоззрения оказался противоречивым и низкоэффективным. Перед большевиками стояла сложная задача – изменить взгляды более 100 миллионов человек. В партии, несмотря на имеющиеся программные документы, не было единства по вопросу организации антирелигиозной работы и отношению к религии. С одной стороны, почти все являлись специалистами в данной сфере. С другой стороны, универсальное решение так и не было выработано. Даже в революционном запале немногие коммунисты предполагали, что размах безбожной атаки примет такие масштабы и такие формы. Вместо популяризации, пусть и самыми агрессивными способами, атеизма путем демонстрации рациональности материалистического мировоззрения выдвинутые на этот участок сотрудники, осознанно или нет, пошли на насаждение некоего полубезбожия. В результате после информационно-пропагандистского воздействия человек разочаровывался в своей вере, церкви и т. д., но не становился атеистом. Выступая от имени партии, антирелигиозники фактически не выполняли ее программные решения. Вместо научно обоснованного подхода на практике в деле распространения атеизма доминировало вульгарное безбожие. Основные силы компартии в силу занятости, актуальности иных задач соглашались с проводимой антирелигиозниками политикой, несмотря на очевидность ее нерациональности в исследуемый период. Следует отметить, что в дальнейшем и дробление религиозных организаций, и движение за права женщин, и мода на безбожие станут важным элементом процесса секуляризации общества во всех странах мира.

Список использованных источников

1. Глан, Я. М. Антирелигиозная литература за 12 лет (1917–1929): аннотированный систематический указатель книг, брошюр и журнальных статей по вопросам религии и антирелигиозной пропаганды / Я. М. Глан. – М.: Безбожник, 1930. – 256 с.
2. Лукачевский, А. Безбожники строите колхозы / А. Лукачевский. – М.: Акционер. изд. о-во «Безбожник», 1930. – 13 с.
3. Олещук, Ф. Н. Борьба с религией – борьба за социализм / Ф. Н. Олещук. – М.: Изд. ВЦСПС, 1931. – 62 с.
4. Эляшэвіч, І. Рэлігія ў барацьбе за рабочую моладзь / І. Эляшэвіч. – Мінск: Белдзяржвыд, 1929. – 72 с.
5. Ярославский, Е. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды / Е. Ярославский. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1930. – 93 с.
6. Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). – Фонд 17. – Оп. 112. – Д. 443-а.
7. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 357.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 3508.
9. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Фонд 3465. – Оп. 2а. – Д. – 70.
10. Жиромская, В. Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков. – М.: Наука, 1996. – 152 с.
11. Янушевич, И. И. Антирелигиозная работа партийно-государственных структур и формы проявления религиозности населением БССР (сер. 1930-х гг.) / И. И. Янушевич // Весник БГУ. – 2016 – № 2. – С. 52–57.
12. РГАСПИ. – Фонд 89. – Оп. 4. – Д. 125.
13. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 4223.
14. Ярославский, Е. Библия для верующих и неверующих / Е. Ярославский. – М.: Гаиз, 1937. – 407 с.
15. Янушевич, И. И. Состояние антирелигиозной информационно-разъяснительной работы партийно-государственных структур в БССР в 1937–1941 гг. / И. И. Янушевич // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2015. – №1. – С. 52–58.
16. РГАСПИ. – Фонд 17. – Оп. 60. – Д. 793.
17. РГАСПИ. – Фонд 89. – Оп. 4. – Д. 26.
18. РГАСПИ. – Фонд 89. – Оп. 4. – Д. 140.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 5407. – Оп. 1. – Д. 102.
20. ГАРФ. – Фонд 5407. – Оп. 1. – Д. 107.

(Дата подачи: 20.02.2017 г.)